

Тисячи маньяков и убийц против Бога...

СБРОД



ВЛАД
РАЙБЕР

18+

Влад Райбер

Сброд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65668073

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-96063-3

Аннотация

Город и больше ничего. Город, где с севера непроходимый лес, а по другим краям бесконечная пустыня. В один день в этом Городе проснулись худшие люди Земли. Двадцать семь тысяч маньяков и убийц... А спустя три года в Город явился Бог, но он не торопится давать жителям ответы.

Содержание

Это можно пропустить	4
Начало	8
Событие 22. Возвращение Бога	11
Про автоматы	18
Событие 23. Народ взволнован	20
Пряничный дед	27
Событие 24. За Богом начали вести слежку	44
Про бусины	48
Про млитов	50
Событие 25. Бог согласился говорить с жителем	56
Города	
Никишин	60
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Влад Райбер

Сброд

Это можно пропустить

Представьте, что вы берёте подшивку городской газеты. Там не будет первого номера и последнего тоже.

Если вы станете их читать, то это не будет похоже на историю, где есть завязка, кульминация, развязка. Это будут отдельные события, какие-то случайные эпизоды городской жизни.

Вот и эта книга то же самое. Здесь нет главного героя, который развивается по ходу сюжета. Да и сюжета как такового нет.

Тут есть истории отдельных горожан, их кровавое прошлое. Всё население Города – это настоящие мерзавцы, махляки, убийцы, худшие люди Земли. Их истории лично для меня и есть главная часть книги.

Читатели говорили мне, что начало романа напоминает «Град обречённый» братьев Стругацких.

Читал ли я его? Да. И это одна из моих любимых книг Стругацких. Вдохновлялся ли я этим романом, когда писал «Сброд»? Нет. «Сброд» получился бы и без «Града». Хотя откуда мне теперь знать, как бы всё сложилось, если бы я

не прочитал, когда я уже прочитал? Может быть, я недооцениваю влияние других произведений на плод своего творчества?

Однако у меня есть аргумент!

Образ мира «Сброта» возник у меня в голове задолго до знакомства с творчеством Стругацких. Когда ночами мне не засыпалось, я представлял себе город, который населяют самые жестокие убийцы. А каждую ночь на улицы выходит Палач и казнит всех, кого встретит.

Жители города боятся Палача, потому что он как читер из компьютерной игры. Никто не может причинить ему вред. Зато у Палача есть всё, чтобы эффективно убивать. Он появляется с автоматом, с дробовиком, с гранатами, а иногда ему помогают маленькие человечки с ножами, пистолетами или взрывчаткой.

Именно таким был первый замысел книги. Тысячи психопатов оказались в замкнутом городе, а Палач их безжалостно казнит.

Но потом я стал думать, каковы мотивы этого Палача? Зачем он это делает? Какое ему дело? Никаких вразумительных ответов на свои же вопросы я не нашёл, и Палач превратился в унылого Бога, которого не интересуют люди. Он занят своими делами.

Есть ли в моей книге религиозный подтекст? Нет. Если вы будете размышлять над «Сбротом», не проводите параллелей с библейскими сюжетами. Я не делал отсылок к Ново-

му или Ветхому заветам. Сколько можно этих религиозных интерпретаций? Их так много во всех видах искусства, что лично меня это уже достало.

В книге должен был быть робот-убийца. Ещё более смертоносная копия Палача. Он бы крушил жителей неустанно, сразу по многу. Я задумывал такую линию: по Городу ходит неизвестный человек в пальто с поднятым воротником и в широкой шляпе. Многие люди его видели, и никто не знал, кто он такой, пока один из психопатов не нарвался. Толкнул неизвестного в грудь, сорвал с него шляпу, а это оказался не человек, а робот из чёрного металла, у которого пальцы, как лезвия. Робот превратил лицо напавшего в фарш, а потом принялся убивать всех подряд. И был в той версии момент, когда люди робота остановили, заманив в ловушку. Залили его бетоном, превратили в памятник, а он потом снова ожил, оторвал кому-то руку...

В настоящей версии книги робота два. Но ни один из них не занят целенаправленным уничтожением людей. Иначе существованию Города было бы простое объяснение – он для казни первостатейных маньяков. А всё это просто, безвкусно и неизвестно кому надо.

С моей стороны было бы неправильно рассказать, почему существует Город. Он уже существовал в моём воображении. Я не знал, почему он возник, и выдумывать причину было бы просто враньём.

Но почему я всё-таки не мог всё сделать более понятным,

подробно объяснить, что происходит в этой книге?

Вы вправе со мной не согласиться, но я думаю, что нет ничего тупее, чем предложить единственную версию того, что происходит на самом деле.

Мы родились не в начале цивилизации и, скорее всего, не застанем её конец. Мы наблюдаем маленький кусочек истории. О том, что было раньше, нам частично рассказывают, о том, что будет дальше – никто не знает. Зачем всё это происходит – никто не знает. А те, кто говорят, что знают, скорее всего, врут.

Я не выдумывал этот мир, он мне явился. И я не ставил себе целью объяснить зачем.

Я писал эту книгу так, чтобы получать удовольствие от процесса. И я надеялся, что вы будете получать удовольствие от прочтения. Смысл только в этом.

Всё. Читайте.

Начало

Поначалу во всём Городе ни у кого не было денег. Они появились потом, как следствие развития любого общества. Горожане стали печатать бумажные деньги и чеканить монеты из медных листов.

Экономистами горожане, правда, были плохими, поэтому и деньги не работали как надо. А пройдох среди них было очень много, и поддельные купюры уж совсем обесценили городские деньги. Нужна была целая куча нелепо напечатанных бумажек, чтобы расплатиться за обычную стрижку.

Но поначалу денег в Городе не было ни у кого. Зачем они нужны, когда есть автоматы. Кто угодно мог получить сколько угодно еды, мог раздобыть одежду, а самое главное: одному горожанину полагался один боевой пистолет и коробка патронов – их там было двадцать штук.

Может быть, уличные автоматы с оружием Бог задумал как злую шутку, чтобы горожане резвее истреблялись и чтобы табло на центральной площади с каждым днём показывало всё меньшее число. А может и не было у него таких замыслов. Откуда кому знать?

Да, и другие автоматы для Бога были важны. Недаром он проверил каждый вид по одному, перед тем как «запустить Город».

Никто про это не знал. Тогда в Городе не было ни одно-

го человека. Только Бог и редкие лесные существа из любопытства иногда выходили из леса бродить по окраине южной части Города.

Табло на центральной площади горело пятью нулями. Но скоро на нём должно было появиться число 27 000.

И за день до этого Бог проверил свои автоматы. Он прикладывал большой палец к стеклянному квадратику-сканеру. Так они и работали. Никаких экранов на аппаратах не было. Они были похожи на большие чёрные кирпичные блоки. С одним лишь квадратиком-сканером и окошком, куда сваливался предмет.

Отличался продуктовый автомат от оружейного только размером и формой. Те, что выдавали пистолеты, были широкими и низкими, метра полтора высотой, а те, из которых вываливались консервы, галеты и прочая еда, были узкие, как квадратные колонны, высотой два метра.

Так вот, когда Бог приложил большой палец к продуктивному автомату, внутри что-то зажужжало, как мощные разряды электричества, и в окошко грохнулась банка тушёного мяса. Бог прошёл пару кварталов и тыкнулся в автомат с оружием. Он жужжал и щёлкал немного дольше, и в окошко упал длиннствольной револьвер, а за ним две коробки пуль. Ничего этого Бог брать не стал, он лишь убедился, что всё работает, и потопал прочь. Завтра в пустые дома должны были заселиться горожане. Сколько из них будут убиты в первые дни?

Бог не хотел оставаться и смотреть, как устраивается жизнь, он собирался вернуться в Город только три года спустя.

А так ли оно на самом деле было? Это не факты, а голые предположения. Но это звучало намного разумнее, чем другие бредни, которые ежедневно рассказывали в Городе.

Событие 22. Возвращение Бога

Его заметили вечером, когда он шёл по центральной улице. И все, кто видел, запомнили эту встречу.

За три года почти все в Городе узнавали друг друга в лицо, и этот человек был явно нездешний... Только откуда ему в городе было взяться? Из леса пришёл? Да его бы млиты закололи и бросили в кашу. Или он из пустыни притопал? Так там дышать невозможно. Но ведь шёл с севера. Если и пришёл в Город, то из пустыни. Много споров было о том случае.

А может быть, он всегда в Городе был и только сейчас показался? Жил тихо, незаметно. Мало ли таких затворников? А теперь явился.

Но разве обычный это был человек? Совсем не обычный. Только никто не мог объяснить, чем он так выделялся. У него причёска была хорошая – вот что. В Городе так ровно нигде не стригли. А так больше ничего особенного: среднего роста, средней внешности сорокалетний мужик, в серой куртке, в чёрных штанах, ботинки тоже были чёрные, похожие на армейские берцы.

Один парень по прозвищу Тощий говорил, что видел, как он расшвырял кучу консервных банок и что-то злобно пробормотал. Однако, Тощий мог и соврать. Он был треплом.

А вот то, что этот человек расстрелял шайку клубовских – было правдой. Об этом говорил весь Город: всех клубовских

поубивали, кроме Палкина. Его этот неизвестный не то пощадил, не то пожалел пулю.

Было в центре Города одно здание. Оно выделялось среди одинаковых трёхэтажных домишек. Большое здание, с колоннами, а внутри холл и просторный зал с каменным полом. Это сооружение горожане называли клубом или ДэКа. И предназначалось оно, наверное, для массовых сборищ.

Только здание это ещё в первый год заняла банда семерых вояк. Гостей они не любили, поэтому к ним мало кто совался. Этих вояк и прозвали клубовскими. Никто и подумать не мог, что всех их положат в один вечер.

У ДэКа была небольшая территория, ограждённая стальным забором. И на территории стоял свой оружейный автомат. Пистолетов он, понятное дело, давно не печатал. Да никакие автоматы в Городе оружия давно не печатали. Все, кто мог, уже своё получили.

А этот мужик взял да пошёл через калитку напрямик к автомату. На улице стоял Палкин, он сразу заметил непрошеного гостя и крикнул остальным.

К тому времени, как незнакомец приложил к автомату палец и дожидался, когда в окошко свалится пистолет, клубовские уже обступили его полукругом.

Они молча стояли на расстоянии и с любопытством наблюдали, как кто-то впервые за свои три года получает оружие. Да ещё так, ни о чём не думая, вторгся на территорию ДэКа. Так нагло, будто и не слышал ничего про клубовских.

Всё это рассказывал горожанам Палкин. Он стоял тогда с краю, а в центре был Шамс, лидер их банды. Палкин говорил, что ясно видел, как этот мужик вынул из автомата длинный револьвер с чёрной рукояткой и с голубым воронением.

– Врёшь! Всё ты врёшь! – кричали ему. И чего горожанам было ему верить? Всем поголовно в Городе оружейные автоматы выдали мелкие самозарядные пистолеты. Одинаковые, целиком чёрные.

Давно ходили слухи, что есть в городе всего один револьвер с голубым воронением, и что одни неприятности от него. Все его обладатели ныне покойники... Но всё это были сказки для дураков.

Палкин от души клялся, что смотрел на блестящую поверхность в упор. И видел в нём своё отражение, когда ОН взвёл курок перед лицом Шамса. ОН. Так Палкин называл того пришельца, пока рассказывал всем. Не мужик, не парень, не человек. ОН.

– ОН сунул револьвер в карман и к нам развернулся. Думали, сейчас перепугается, а ОН только на нас глянул и в сторону, – говорил Палкин. – Мы пошли за ним. Седой остановил его, взяв за плечо, вежливо попросил задержаться.

Все, кто слушал Палкина, представили эти ухмыляющеесяся рожи. Клубные всегда были самодовольны и уверены в себе.

Мужик обернулся и потребовал убрать от него руки. Он держался очень смело, будто не понимал, что эти семеро мо-

гут его как клопа раздавить.

Шамс попросил его отдать оружие и патроны. Он всегда сначала просил. Сколько людей отдавали ему своё имущество ещё до того, как он попал в Город. Шамс на приграничной дороге мог остановить любую машину, которая ему понравится, заявить, что отныне она переходит в собственность оборонительного отряда.

И люди готовы отдать всё, чтобы не стать «случайно убитым в обстреле». Некоторые оказывались и «случайно убитыми». Сколько таких было на руках Шамса? А потом эти руки ему жали, вешали медали на грудь, благодарили за то, что храбро сражался за свободу республики.

Когда Шамс оказался в Городе, он и тут преуспел. Собрал таких же, как он сам, и жил по принципу: хочу – возьму. И револьвер с голубым воронением был ему очень нужен как трофеей, как символ власти.

Только человек этот оказался не тем орешком. Монах схватил непрошеного гостя за куртку и бросил от себя, собираясь опрокинуть на землю, но тот устоял. Он только отшатнулся на два шага и грозно посмотрел на клубовских.

Шамс достал свой самодельный нож. Палкин понял, что больше он просить не будет. Шамс никогда не вынимал свой нож просто показать.

И тут произошло невообразимое. Палкин почувствовал, что не может шевельнуться. Он твёрдо стоял на ногах, но тело его окаменело. Даже глазами было трудно водить. Ко-

гда Палкин пересказывал это во второй раз, он добавил, что в эту минуту почувствовал бусину в мозгу. Чувствовал, как она жжётся.

И все замерли! Седой, Кира, Монах, Тошка, Кротов, и Шамс замер с перекошенным лицом и с ножом в руке.

А этот человек достал из кармана револьвер, раскрыл его и стал по одной заряжать пули в барабан. Всё это время клубовские смотрели на него. Все, кроме Монаха. В тот момент, когда все остолбенели, Монах опустил голову и больше не смог её поднять.

Палкин стоял сбоку, и ему было хорошо видно и Шамса, и того, что заряжал револьвер. Палкин изо всех сил старался пошевелиться, но ничего не происходило.

Шамс обливался потом, прыскал слюной, и нож дрожал в его руке. Мужик, не выражая никаких эмоций, взвёл курок, направил дуло в лоб Шамсу и снёс ему выстрелом полголовы.

У Палкина от шума зазвенело в ушах, однако он даже не смог моргнуть. А потом мужик снёс башку Седому. Его тело свалилось на брусчатку рядом с Шамсом. Тошке прострелили грудь и Монаху тоже. Бах! Бах! Бах! Бах! Четыре трупа.

Кротов смотрел во все глаза и тихо стонал, когда дуло револьвера коснулось его носа. Бах! Нет Котова. Голова его разлетелась. И Кире в висок последнюю пулю. Бах! Мёртвый Кира.

Нет больше клубовских. Один только Палкин остался, на-

сквозь мокрый от пота. Мужик на него посмотрел, раскрыл револьвер и стряхнул пустые гильзы.

Палкин не думал, что сейчас и его застрелят. Он вообще ничего не думал, он не верил, что всё это на самом деле происходит. Это было похоже на сон. Ведь только во сне человек пытается, но не может шевелиться.

– ОН достал из кармана всего одну пулю, вставил её в барабан, постоял, постоял, потом убрал револьвер в карман и ушёл, – так Палкин всегда заканчивал свой рассказ. – И только когда ОН пропал, я смог пошевелиться. ОН их всех перебил. ОН!

– Что ты всё он, да он! Кто он-то? – слушали его с раздражением и спрашивали грубо, с издёвками. Клубовские много врагов себе нажили и теперь все хотели с Палкиным поквитаться.

– ОН... Этот... – Палкин крепко задумался, а потом сказал. – Бог! Да, Бог!

«Что ты несёшь?», «Какой ещё Бог?», «Совсем сбрендил!», – кричали те, кто его не видел. А те, кто видел, не кричали. Каждый из них почувствовал, что нельзя сказать точнее. Бог. Все, кто видел того мужика, признали его Богом. И никто до Палкина не додумался... не осмелился его так назвать.

– Не тот Бог! Нет! Не из этой... – Палкин пытался вспомнить слово «Библия», но не смог и сказал иначе. – Не из церкви Бог. Другой. Местный Бог.

Палкина допрашивали трижды. После внимательнее осмотрели трупы. Кто-то нашёл гильзы. Совсем другие гильзы, не такие, как в мелких пистолетах. Доктор отковырял в брусчатке пулю. Она была целёхонькая, в медной оболочке. Пулю посмотрели на свет, и все согласились, что это совсем не обычный боеприпас.

Значит и человек, которому автомат его напечатал, тоже не обычный. Горожане забеспокоились. Раз он клубовских расстрелял в одиночку, так он и кого угодно может. Бог – не Бог, но опасный тип явился в Город. Тут и своей мрази хватало...

Палкина допросили ещё несколько раз, а потом сказали, что в ДЭКа ему больше делать нечего, и если жизнь дорога, пусть валит куда подальше и на глаза не показывается. Палкин перечить не стал. Какой ему теперь без дружков.

Он попросил толпу горожан забрать кое-чего из ДЭКа. Ему позволили. Палкин вышел с мешком через плечо и ушёл. Долго его потом никто не видел, даже стали поговаривать, что Палкина тихонько убили и бросили в дыру на северной окраине. Это были только слухи. Нормально с ним всё было... До поры до времени.

А освобождённый от клубовских ДЭКа взволнованные горожане всё-таки решили сделать местом для встреч, чтобы обсуждать всякие необычные случаи. И один такой случай уже надо было обсудить. Дурак-корреспондент радио так его и обозвал: «Возвращение Бога».

Про автоматы

О том, что автоматы печатают пистолеты, горожане узнали ещё до того, как начали сравнивать банки.

Было время в первый год, когда люди дрались и даже убивали друг друга за еду, потому что думали, что однажды еда закончится. Запасались, берегли почём зря. Но продуктовые автоматы они никогда не ломали. Зачем, если каждый работал исправно? А вот то, что оружейный автомат выдает всего по одному пистолету и всего две коробки патронов на руки – было досадно.

Сколько потом не тыкай пальцем, хоть все автоматы в Городе обойди – ничего не получишь. И, конечно, каждому, кто был охоч до оружия, приходила в голову мысль, что пистолетов и патронов в автоматах ещё много, и достать их оттуда можно, если сломать.

Только сделать это было почти невозможно. Автоматы были монолитные, из неизвестного материала – не то металл, не то камень. С места не сдвинешь. Бей их, стреляй – только царапины остаются.

Тогда взял один умелец и сляпал взрывчатку. Его так и звали Взрывником. Десять мужиков целый месяц день и ночь ковыряли и сверлили в автомате дырки. Потом Взрывник залепил туда своего «зелья», поджёг фитиль, и все разбежались. Как жажнуло! Земля затряслась. Автомат треснул

пополам. Мужики набежали, разогнали дым, стали смотреть в трещину, а там пусто! Вот не повезло...

Ковыряли месяц ещё один автомат на самой окраине города. Там мало кто оружие получал. Взрывали дважды, треснул только на второй раз. Взрывника даже слегка ранило осколком.

Обшарили сломанный автомат – ничего. Даже пачки патрон не оказалось. Но были там какие-то устройства, подвижные прямоугольные детали, сверкающие, как зеркала. И тут всем стало понятно, что оружие в автоматах берётся из ниоткуда. Печатается, как на 3D-принтерах, и никаких исходных материалов автомату не надо. Таких машин на Земле не было. Да много чего не было на Земле, чего было в Городе.

А потом кто-то стал рассматривать две банки со сгущённым молоком и заметил, что всё полностью совпадает: и цифры, и заводские дефекты. На одной банке была маленькая вмятина и на другой точно такая же в том же месте. И каждая царапина, и маленькая чёрная точка на жестяной крышке – всё совпадало.

Много кто потом увлёкся сравнением консервов, и сделали люди вывод, что, сколько ни возьми сгущённого молока – это будет всё одна и та же банка. Как все в городе ходили с копиями одного единственного пистолета.

Событие 23. Народ взволнован

Да, в Городе никогда не было спокойно. Уж такие там были люди, да и Город не был просто городом. Иногда жители его обзывали, как всякую глухую провинцию, но настоящего названия Городу так и не придумали. Их городам дают, чтобы отличать один от другого, а этот был единственным. Единственным посреди ничего.

В первые недели, когда жители изучали Город, кто-то сказал, что он похож на коврик для игры. Есть такие детские коврики, где нарисованы дома и дорожки, по которым можно катать машинки. И дороги на этом коврике замкнуты. Так и в Городе были внутриворонные дороги, были центральные. Но ни одна дорога не вела из Города. Да и куда бы она вела? С севера, запада и востока простиралась серая пустыня – может на сотни, а может и на тысячи километров. С юга был непроходимый лес, где обитали существа, враждебно настроенные к человеку. Горожане их называли млитами.

Так люди жили и не знали, что за лесом на юге, что за пустыней с других трёх концов. Они и север с югом обозвали условно. Кому было знать, где что?

Никто за три года не видел на небе ни одной звезды. И солнца никто не видел. Атмосфера была слишком плотная. Днём небо бывало очень светлое, почти белое. Временами голубоватое и зелёное. Но солнцу было не пробиться

сквозь сплошные облака. По ночам небо всегда было чёрным. Без уличных фонарей стояла бы непроглядная тьма, как в лесу или далеко в пустыне.

А Город был маленьким, тысяч на тридцать – не больше, но народ в нём только убывал, поэтому бояться переселения было ненужно.

И никто ничего не знал. Все появились тут в один день. Находились те, кто говорили, будто появились тут раньше других, но на поверку они оказывались лжецами и знали они о Городе не больше остальных.

Каждый проснулся однажды ночью в своей квартире. Были в том Городе жилые дома. Были здания, предназначенные для других целей. Поэтому в Городе появился и научный институт, и маленькая больница, где могли вынуть пулю, если ты свой человек.

Когда в Городе объявился Бог, по радио выступил самоназванный мэр. Должности такой в Городе не было. До появления здесь мэр был директором мусорной свалки и тяготел к власти.

Мэр пришёл в редакцию и объявил в эфире, что в связи с появлением неизвестного человека, которого называют Богом, нужно устроить встречу, чтобы собрать все имеющиеся свидетельства об этом Боге.

Устроить собрание додумались и до него, мэр только подхватил, будто это было его решение. Местом проведения собрания он объявил недавно освободившийся ДэКа, а датой –

завтрашний вечер. И это всё не было решением мэра, он сам узнал о собрании из слухов, и никто его там не ждал до выступления в эфире.

Были, конечно, те, кто с мэром и его чиновничьей свитой считался просто потому, что не могли себе представить Город без властей. Но кому нужны власти, когда всё работало само по себе?

Кто включает фонари по вечерам? Кто ремонтирует трубы? На чём работает общественный транспорт, роботы-чистильщики, которые сами по себе катались по улице, сметая пыль. Никто этого не знал. Всё само по себе.

Но было принято думать, что Город имеет свой срок годности и люди могут жить в нём ограниченное время. Сколько лет всем отведено никто не говорил. То был просто популярный миф, в который верили. Когда в ДэКа собралась толпа, человек четыреста, не больше, кто-то сказал, что приход Бога знаменует конец всему. Срок годности вышел, и вряд ли всех распустят по домам. Уж скорее скинут в ямы.

Мэр забрался на трибуну и сказал: «Уважаемые коллеги!». Он ко всем так обращался. Толпа не умолкла, но стала тише.

– Уважаемые коллеги, – снова повторил мэр. – Мы проводим первое городское собрание, чтобы обсудить то, что говорят о Боге, и некоторые другие вещи.

У него ещё много было записано на бумажке, но никто его слушал. В ДэКа собрались самые беспокойные горожане, им

были нужны ответы, а не личные суждения самоназванного мэра. Им надо было знать, правда ли есть этот Бог, и если есть, означает ли это, что всему конец.

Тогда мэр спросил, кто из собравшихся видел Бога. Человек тридцать в толпе подняли руки. Сам мэр его не видел, а только слышал и не очень-то верил. Хотя и ему были нужны ответы. Он попросил каждого свидетеля «в порядке очереди» встать перед залом и рассказать о том, что знает, а также высказать свои предположения.

Первым с трибуны выступал Кравчик. Этот косноязычный баламут рассказывал, что видел Бога только мельком. И ещё минут пять пророчил всем худо, пока его не погнали со сцены.

Потом говорил Чурин. Он встретил Бога в скверике у своего дома. Чурин рассказывал, что пытался расспросить Бога кто он такой и откуда взялся, но Бог велел ему идти куда шёл.

Ничего мистического Чурин от той встречи не испытал, кроме интуитивного ощущения, что перед ним не человек, а кто-то другой, кто-то «превосходящий». Однако на вид он был обычным человеком. Уставшим и невесёлым, глаза пустые, ему словно было неохота нести голову на плечах.

Хотя Чурин и называл незнакомца Богом, в своих теориях он оставался скептиком. Он говорил народу, что считает Бога одним из необъяснимых городских явлений, вроде хлыстов в туннеле на западной улице, вроде пляшущих огоньков на краю пустыни, мгновенных заморозков, где бы они не бы-

ли, и призрака в сером пальто, если таковой и вправду есть.

Чурин пытался убедить народ, что Бог на самом деле никакой не Бог, а только внушает людям веру в это, заставляет признавать его Богом. Такова природа этого явления. По мнению Чурина, приход Бога ничего не означает и не меняет, хотя он, скорее всего, смертельно опасен, как и большинство этих редких городских явлений. Скептицизм Чурина успокаивал.

После него на сцену запрыгнул какой-то дёрганый малец. Из тех, кто собрался в ДэКа, он был самый молодой. Имени его никто не знал. Этот пацан подтвердил слова Палкина о том, что Богу нельзя причинить вред. Малец видел Бога сидевшим на скамейке и хотел налететь на него, пригрозить пистолетом, но не смог. Как только пацан потянулся за пояс, на него напало оцепенение, и в затылке стало больно.

Кстати, тот пацан был единственным, кого потом убили на собрании. Кто-то тихо вогнал ему нож в грудь и усадил у стены на пол, будто бы он заснул, уронив голову на колени. Заметили это только когда стали расходиться. Кто убил – неизвестно. Кому-то понадобились его патроны – пистолет мальчика валялся рядом, и в нём не было магазина.

Ещё со сцены выступили двое, но ничего нового они не добавили. Только говорили, где видели Бога. У всех сложилось впечатление, что этот Бог бесцельно бродит по Городу и кроме банды клубовских пока никого больше не убил.

Последним к трибуне выходил старик Алексеич. Ему бы-

ло чем поделиться, но он так растерялся перед толпой, что только прохрипел: «Этот Бог всё про нас знает». Многие не придали его словам значения.

А ведь Алексеич знал, о чём говорит. Он Бога встречал за день до собрания в ДэКа. Алексеич шёл к себе домой с полной авоськой всякой еды. Эту авоську он сплёл сам. Старик останавливался то и дело, у него болело колено, когда он таскал тяжести.

Бога он увидел в квартале от своего дома. Этот необыкновенный человек разглядывал стену в том месте, где были старые следы от пуль. В первый год здесь была нескончаемая стрельба.

Когда Алексеич увидел Бога, его наполнило ощущение невозможного, словно перед ним было куда большее, чем видят глаза.

– Эй, это ты что ли Бог? – крикнул ему старик. Он уже был о нём наслышан.

– А ты Пряничный дед, – недобро отозвался Бог. Он ещё постоял у изуродованной стены и ушёл.

Алексеич добрался до своего дома, сел на ступеньку и зарыдал. До жизни в Городе Пряничным дедом его называли всего один раз. И только в мыслях годами отзывалось это прозвище злобным эхом.

Пряничный дед. Пряничный дед. Пряничный дед. Как проклятие!

Алексеич всегда думал, что это внутренний голос его так

обзывал. А вдруг этот внутренний голос всегда принадлежал Богу?

Пряничный дед

Некоторые жители рассказывали, что перед тем, как оказались в Городе, видели вспышку света, другие чувствовали, будто их куда-то затягивает.

Иван Алексеевич ничего не видел и ничего не чувствовал. Он просто очнулся в квартире и сразу понял, что он не у себя дома. Пережив первые смутные дни и узнав, что на окраине Города есть лес, Иван Алексеевич решил поселиться там.

Он пошёл в лес и стал выбирать место, думал, сумеет ли построить хоть какой-нибудь дом из брёвен или хотя бы шалаш на первое время. Только этот чудной лес его не принял.

На старика набросились лесные жители, которых потом обозвали млитами. Когда Иван Алексеевич увидел этих бледных, невысоких человечков, он подумал, что это души загубленных детей...

Млиты выскакивали из кустов, падали на старика с деревьев. Они были вооружены деревянными ножами и безжалостно кололи ими Ивана Алексеевича. Были они тощие и слабые, но попробуй от них отбейся! Так и облепили всего. Иван Алексеевич упал на землю, и один лесной человечек вонзил ему деревянный нож прямо в колено. Старик взвыл от боли. Он вскочил и побежал, как мог.

Из леса он выбрался весь израненный и еле волочил окровавленную ногу. Пистолет старик обронил в лесу. Патроны

пришлось отдать врачу, чтобы он вынул из колена нож и зашил рану. Пришлось Ивану Алексеевичу оставить мечту поселиться в местном лесу. Теперь он жил в Городе, и жизнь эта была для него безрадостной.

А на самом деле Иван Алексеевич ещё не был таким уж старым. Ему было только пятьдесят девять, но выглядел он старше из-за глубоких морщин, из-за седой головы и густой серой бороды.

Таким он стал ещё до жизни в Городе.

Иван Алексеевич почти всю жизнь работал лесником и гордился своей профессией. Ему с юности казалось, что лесник – это человек сказочный. Знающий лес и все его заветные тайны. Он работал недалеко от своего городка. В том лесу водились кабаны и лоси. У Ивана Алексеевича в чаще был домик с глиняной печкой, было охотничье ружьё.

Когда Ивану Алексеевичу от государства досталась квартира, он женился. Женился, потому что так было положено. Свою супругу он ласками не баловал. Не нужны ему были эти глупости.

В жизни Ивана Алексеевича менялось всё неспешно и предсказуемо. Из старого домика в чаще его перевели в новое кирпичное одноэтажное здание на окраине леса. У него родился сын, а потом и дочь.

Никаких излишеств и изысков Иван Алексеевич никогда не желал. Подчас окружающим казалось, что он совсем ничего не хотел, его устраивало всё то, что было. Но где-то

внутри него дремал тёмный и жестокий зверь.

Он шевельнулся, когда страна, в которой он прожил всю жизнь, развалилась на части. Деньги, которые он всю жизнь берёг на книжке, обесценились. И немногословный Иван Алексеевич стал часто выражать своё отношение к чему-либо словами: «Ничего хорошего».

– Алексеич, как твоя работа?

– Ничего хорошего.

– Как дома дела?

– Ничего хорошего.

Впрочем, на работе-то мало что поменялось. Как был лесником, так и остался, а дома росли дети. Сын стал интересоваться девушками. Мерзкий был пацан... Дочь, которая всегда прилежно училась, очень быстро повзрослела, в один год вышла замуж и уехала из города. Жена ушла с предприятия и стала работать в школьной столовой. Располнела.

Семья Ивану Алексеевичу не была семьёй. Он жил с ними как в коммунальной квартире. Иногда от него требовали каких-нибудь эмоций, а он не понимал этих «катавасий» и старался держаться от всех в стороне. Ему всегда лучше спалось на работе, чем в своей квартире.

Когда Иван Алексеевич уже начал стариться и не желал больше никаких изменений в своей жизни, вдруг поменялось законодательство, и больше не стало лесников. По новому кодексу, теперь лесным хозяйством занималась особая служба. Иван Алексеевич был немолод и угрюм, его брать

в новую службу не хотели, а он не хотел мотаться по всяким семинарам на повышение квалификации и так далее.

Начальство позволило Ивану Алексеевичу поработать ещё год, а потом его уволили по сокращению. Это был для него серьёзный удар.

А ещё сын привёл домой свою жену, у них родился мальчишка и надрылся от крика по ночам. Иван Алексеевич совсем не мог спать.

Впрочем, кое в чём старику повезло. Когда-то ему досталась в наследство земля, и она сильно подорожала. Иван Алексеевич втайне от всех продал свои участки за хорошие деньги, этого бы хватило на небольшую квартирку. Иван Алексеевич задумал бежать от своей семьи. Слово «семья» не означало для него ничего хорошего.

Но квартиру он так и не купил. Ему ничего не нравилось, и не для него была вся эта возня с документами. Иван Алексеевич решил сбежать в свой лес! Он отыскивал старый дом лесника. Никто за тридцать лет не сорвал доски с заколоченных окон, никто не сломал проржавелый замок на двери. А у Ивана Алексеевича был ключ. Всегда висел в связке, будто ждал своего времени.

А ведь дом был не так глубоко в лесу, и совсем рядом были тропы. Но он стоял в заколдованном месте. Сложно было набрести на этот дом случайно, и даже зная, где он стоит, трудно отыскать. Всякая тропинка вела мимо, в обход. Овраги препятствовали, деревья прятали. Дом будто и на ви-

ду, но не найдёшь. Потайной уголок леса, про который знал и помнил только Иван Алексеевич. Он отодрал доски с окон, вымел сор, снял паутину со стен.

Дом без ухода сильно состарился. Крыша прогнулась, кое-где прогнили полы. Иван Алексеевич починил, как сумел. Старый стол развалился, кровать никуда не годилась. Но кое-чего старый лесник умел и быстро смастерил себе мебель.

От своих домашних Иван Алексеевич ушёл насовсем в конце весны. Собрался рано утром и ушёл. Он знал, что его искать не будут. Наверное, они были даже рады: ютиться впятером в квартире, где три комнаты, как три коробки – ничего хорошего.

До магазина Ивану Алексеевичу было далеко, и он жил запасами. Один раз в месяц ходил в магазин с сумкой-тележкой, брал картошку, капусту, хлеба для сухарей, сахар, чай, консервы. Набивал полную сумку, отвозил в свой дом и снова шёл в магазин. Покупал еды, сигарет и кое-чего из лекарств. Алкоголя не брал никогда.

Еду он хранил в погребе. Воду таскал с родника. Спал у открытого окна, не снимая пальто. Однажды в середине лета старик вспомнил что-то очень важное. В молодости он закопал охотничье ружьё за домом, когда узнал, что в документах оно не числится. Закопал, чтобы про него забыли.

Иван Алексеевич точно помнил место, где он его зарыл, и нашёл очень быстро. Ружьё было крепко завернуто в плащ-палатку, и ничего с ним не случилось. Ещё он нашёл же-

лезный ящик, где лежало полсотни патронов. Всё это почти тридцать лет пролежало в земле. Старик зарядил, направил ружьё в небо и стрельнул. Шум распугал птиц. Иван Алексеевич был доволен. Теперь можно было и дичь подстрелить. Правда, в том лесу крупный зверь уже весь вывелся.

Иван Алексеевич своё ружьё любил. Чистил его почти каждый день, но ни разу не выстрелил за всё лето.

А потом настала осень. Старик колол дрова, готовился к зиме. И к нему явился наглый парень. Мальчишка лет четырнадцати, пронырливый и любопытный. Он назвал Ивана Алексеевича «дедом».

– Я и не знал, что тут есть такое место! – мальчишка не отрывал глаз от дома лесника и, видно, очень хотел посмотреть, что там, только не знал, как обойти старика с топором в руке.

– А ну, пошёл отсюда, – Иван Алексеевич хотел, чтобы его голос звучал строго, но он месяцами не разговаривал с людьми, и получилось как-то глухо.

– Дед, ты тут живёшь, что ли? – мальчишка, уже ничего не страшась, приблизился и стал рассматривать кучу дров.

– Чего тебе тут надо? – старик сотрясался от злости. Кто-то нашёл его укромное место. Иван Алексеевич не так уж и редко слышал голоса людей где-то неподалёку, но никто не находил дом лесника, а этот паршивец пробрался сюда и расхаживал по-хозяйски.

Мальчишка ходил вокруг дома, вставал на мыски, вытяги-

вал шею, заглядывая в окна и всё повторял: «Дед»... «А что это у тебя тут такое, дед?».

Иван Алексеевич хотел втоптать пацана в землю, но не решился даже взять его за шиворот и отволочь подальше от своего дома. Не смел прикоснуться к нему. Мог ли тогда старик подумать, что пристрелит мальчишку неделю спустя?..

– Дед, я к тебе зайду, – предупредил пацан и взялся дёргать дверь. Она была тяжёлая, так просто не открыть.

Тут старик не выдержал, прокашлялся и заорал:

– А ну вали отсюда, пока я тебя не искалечил!

Пацан аж подпрыгнул, а потом захохотал и бросился бежать. Его смех долго висел в воздухе.

Два дня после этого Иван Алексеевич лежал. У него часто билось сердце, он чувствовал, что его уединению и покою пришёл конец. Думал, что скоро к нему снова явится этот мальчишка, да ещё и приведёт друзей. Таких же мерзавцев, как он сам.

В этом старик оказался прав. В следующее воскресенье... Иван Алексеевич не знал, что это было воскресенье... к нему пришёл тот самый парень и его друг. Второй мальчишка был постарше – лет шестнадцать. Высокий, конопатый, с наглой ухмылкой.

– Вот он! Вот он! Я же тебе говорил! – заорал мелкий.

Иван Алексеевич тогда сидел во дворе на самодельном стуле.

– Пошли отсюда, пошли отсюда... – старик перебрал все бранные слова, а дети только веселились.

– Дед, мы тебе мешаем что ли? – даже с какой-то досадой спросил конопатый.

– Да, мы тебе вообще не мешаем! – поддакнул мелкий. При своём друге он вёл себя смелее, чем когда был один.

Мальчишки обошли дом вокруг, заглядывали в окна, трогали всё руками. Иван Алексеевич беспомощно ходил за ними следом и ругался до хрипоты, чем только радовал хулиганов.

– Дед, можно мы к тебе в домик зайдём? – старшему мальчишке на самом деле не нужно было разрешение старика.

Иван Алексеевич не выдержал, схватил мелкого за капюшон куртки. Мальчишка зарычал «Отцепись!» и старик отпустил его. Он боялся детей. Они были для него как дикие звери.

– Хорош домик в лесу, – говорил конопатый, дёргая тяжёлую дверь.

– Пряничный домик, – сказал тот, что был помладше.

– Эй, слышь, – заулыбался высокий пацан и подозвал мелкого к себе, склонился над его ухом и сказал полушёпотом. – Это пряничный домик, а живёт в нём Пряничный дед.

И оба захохотали. Думали, что старик не слышал, но у Ивана Алексеевича было всё хорошо со слухом. Старик понял, что должен за себя постоять. Если так каждый будет врываться на его землю, то скоро его вытеснят отсюда, как

вытеснили родственники из его квартиры.

Мальчишки ворвались в его дом.

– Фу! Ну и воняет у тебя тут, дед! – пискнул мелкий. –
Вонища!

Иван Алексеевич мылся редко, одежду не менял. Весь дом пропитался его духом.

– Серый, смотри, ружьё! – закричал мелкий.

Иван Алексеевич вошёл в дом и встал между ружьём, которое стояло в углу и мальчишками. Старик больше не ругался и не махал руками.

– Дед, а ружьё стреляет? – спросил конопатый.

– Стреляет, – ответил старик.

Подростки перестали вести себя буйно. Они вытянулись, как два послушных пса. Мальчишки не боялись, они стали уважать старика за то, что у него есть ружьё.

– Можно посмотреть? – спросил тот, что постарше.

– Нельзя, нос себе отстрелишь, – ответил дед.

– А можешь показать, как оно стреляет? – не сдавался мальчишка. – Пожалуйста!

Иван Алексеевич взял ружьё и сказал мелкому:

– Дай-ка мне патроны. Вон в том ящике.

Пацан вертел головой, пытаясь понять, куда показал ему старик, потом заметил железный ящик и кинулся к нему. Сначала хотел взять его весь, но понял, что не поднимет такую тяжесть. Сел на колени, открыл крышку и стал доставать патроны.

– Хватит, хватит! – остановил его дед. – Давай сюда.

Мальчишка протянул ему несколько патронов. Иван Алексеевич зарядил один в ружьё, другие сунул в карман.

Пацаны смотрели во все глаза и горели от нетерпения.

– Идём, – сказал Иван Алексеевич и пошёл к двери. Оба мальчика двинулись за ним, но старик остановил мелкого. – А ты не ходи. Сиди тут и смотри в окно.

– Да, ты в окно смотри, а то оглушит! – подразнил его конопатый. Он гордился, что его выделили, что его выбрали. – Дед, а ты мне дашь стрельнуть?

– Какой тебе стрельнуть? Ты и ружьё не удержишь, – Иван Алексеевич показал конопатому, куда нужно встать, а сам отошёл от него на несколько шагов.

Пацан не понимал, что происходит, послушно стоял посреди двора. Ждал чудес. Его друг торчал в окне.

Когда старик направил ружьё на конопатого, он только заулыбался. Думал с ним шутят. А Иван Алексеевич спустил курок и зажмурился от залпа. Когда он открыл глаза, то увидел, что мальчишку отшвырнуло к поленнице. Ноги у него дёргались.

Всё это было как в тумане. Иван Алексеевич надломил ружьё, вставил новый патрон и пошёл в дом. Там сидел мелкий. Он залез в угол. Глаза у него были круглые-круглые, и он весь трясся.

– Не надо, дед! Не надо, дед! – говорил он. Не понимал, что ещё больше злил Ивана Алексеевича, называя его дедом.

Когда старик наставил на мальчишку ствол, он заорал во всё горло. От выстрела его как на изнанку вывернуло, и стало тихо.

Иван Алексеевич выволок тело во двор. Увидел, что конопатый возле поленницы всё ещё дёргается. Старик снова зарядил ружьё и в упор прострелил мальчишке грудь. Всё было в крови.

Иван Алексеевич бросил ружьё во дворе, пошёл в дом, залез в кровать и зарыдал. Он думал, что теперь всё кончено.

Уже стемнело, а он всё плакал, всхлипывал и вздрагивал. Щипало глаза, болело горло. Иван Алексеевич ждал, что с ним что-нибудь произойдёт и в этом не будет ничего хорошего. А потом он нечаянно уснул и проснулся только рано утром. В доме было холодно. Ветер мотал дверь.

Иван Алексеевич поднялся с кровати и вышел из дома. Во дворе лежали тела. Мелкий лежал лицом вниз, а конопатый лицом в небо. У него на щеках были капли росы и жёлтые сосновые иголки.

Старик подобрал ружьё и отнёс в дом. Нужно было что-то делать. Сначала думал закопать тела прямо во дворе, а потом решил, что не надо ему этих паразитов рядом с домом.

Он взял плащ-палатку и отволок к оврагу, сначала одного, затем другого.

Тот овраг был недалеко от его дома. Туда тоже никто никогда не ходил. Старик кинул тела пацанов на дно, присыпал сверху землёй и мокрыми листьями. Потом взобрался

наверх и стал катить в овраг гнилой валежник. Сил у Ивана Алексеевича было много. Почти весь овраг завалил стволами и ветками. Если бы кто-то узнал, что там лежат тела, то пришлось бы серьёзно поработать, чтобы их достать. Но никто их там искать не стал.

Единственное, о чём жалел Иван Алексеевич, так это о том, что не выдрал конопатому язык, прежде чем похоронить. Потому что с того дня в голове старика являлся голос и говорил: «Пряничный дед!».

Особенно в дни, когда ему было плохо. Старик начинал забывать своё имя, всё сам себя ругал Пряничным дедом. Но казалось ему, что не сам себя, кто-то другой. То ли тот пацан, то ли чёрт в доме завёлся.

Зимой овраг занесло снегом, и больше старик не боялся, что придут в лес с собаками и отыщут трупы. Всю зиму он питался одинаковым супом. Лес покидал только два раза: никак не мог рассчитать сколько надо сигарет – сколько ни покупал, всё не хватало.

Когда сошёл снег, Иван Алексеевич взял привычку ходить проведывать овраг. Стоял по часу вглядывался – ничего ли не торчит. Принюхивался, нюхивался и ничего не чувствовал. Иногда он думал: может и не было всего этого, а только приснилось в одну из зимних ночей? Но куда девались три патрона?

Не думал старик, что когда-нибудь снова он пристрелит кого-нибудь из ружья. Однако вышел случай.

Это был май. Иван Алексеевич помнил, что май, потому что в то время, когда он выходил в город за продуктами, две молодые красавицы прицепили к его пиджаку ленточку.

Та ленточка висела на нём и когда старик увидел в лесу двух мальчиков. Эти были совсем другие. Им обоим было лет по двенадцать. Они не вели себя нагло и на старика не обращали никакого внимания, а просто бродили недалеко от его дома. Видно, для них только начались каникулы, и они не знали, чем заняться.

Дом лесника мальчишки не видели, но Иван Алексеевич забеспокоился, что они его непременно заметят и устроят балаган.

И старик решил сразу взять ситуацию в свои руки. Он сам предложил мальчикам пойти за ним, обещая показать что-то интересное. Один из мальчишек был смуглый, глаза у него были карие. А второй, наоборот, светлый, глаза тоже светлые, лицо чистое-чистое – ни одной веснушки.

Иван Алексеевич, заметив недоверие детей, старался делать добрый голос. Когда мальчишки увидели дом, они и правда удивились.

– Вы тут живёте? – спросил смуглый.

– Да, живу, – ответил Иван Алексеевич.

– Вы леший? – спросил второй.

– Не леший, а лесник, болван, – обиделся Иван Алексеевич.

– Тьфу! Да, лесник, лесник! Перепутал, – мальчишке было

неловко, что он случайно обидел старика.

– Стойте тут, сейчас принесу одну штучку, – сказал Иван Алексеевич и оставил детей во дворе.

Дома он взял ружьё. Зарядил его сразу и взял ещё патронов в карман. Пока он это делал, всё бормотал себе под нос «Паразиты!.. Паразиты!».

Когда он вышел на улицу с ружьём, смуглый, похоже, сразу сообразил, что к чему. Он перепугался и стал медленно-медленно пятится назад. Светлый мальчик сказал ему:

– Не бойся!

Он верил, что старик не желает им зла, а только хочет показать ружьё. Но Иван Алексеевич себя выдал, он забыл сказать хотя бы слово ребятам, чтобы их успокоить, а только стоял и смотрел на них.

Первым бросился бежать смуглый. Старик чуть его не упустил, но выстрелил без промаха.

Светлоголовый мог убежать, если бы не был таким глупым. Он остановился, когда увидел, что его друг завалился в траву. Остановился, развернулся к деду лицом, поднял вверх свои ручонки и крикнул:

– Сдаюсь!

– Стой где стоишь! – приказал старик и надломил ружьё.

Сунул в ствол новый патрон.

Мальчик поздно сообразил, что у него было время. Он только сорвался с места, и Иван Алексеевич выстрелил. Мальчишку унесло в канаву, будто ветром сдуло.

Вот старику было смешно. Он хохотал до боли в животе. За свой поступок Иван Алексеевич себя не корил. Он думал, что из этих двоих всё равно бы не выросло ничего хорошего.

Весь оставшийся день он рыл яму. Глубокую откопал, во весь свой рост. В низине, где рос папоротник, никто не должен был найти это место.

Но Иван Алексеевич теперь был всегда на нервах. Ему казалось, что рано или поздно за ним придут, и всё будет кончено. Слыша голоса в лесу, он напрягался и думал: не его ли идут арестовывать?

Иван Алексеевич всегда держал ружьё заряженным. Старик не хотел умирать в тюрьме, и решил, что если его захотят поймать, он лучше застрелится.

Ему часто снилось, будто к нему стучат, пытаются ворваться или врываются в дом. Хватают его за руки, и он не успевает добраться до ружья. А иногда снилось, что к нему стучатся, он берёт ружьё, но не может в себя выстрелить. Страшные это были сны.

Шло лето. Сырая земля в низине заросла зеленью, валежник в овраге покрылся мхом. Никто не приходил за Иваном Алексеевичем. Никто будто и не искал пропавших детей.

Первое время старик думал, что уже никогда в своей жизни не сделает этого снова. Но чем больше времени проходило, тем чаще он размышлял о том, что это его призвание: беречь лес от паразитов. Паразитами он считал всех, кто ходит в лес, потому что все они ходят не для того, чтобы принести

природе пользу.

В один из дней Иван Алексеевич решил вырыть глубокую яму на всякий случай. Ведь если к нему снова сунется кто-нибудь, то хорошо, если яма уже будет готова. Только никто к старику не совался, и ему не жилось спокойно, он как будто ждал... На дне ямы стояла вода, куча земли рядом с ямой затвердела. И было ощущение, что зазря потрачены силы и сорвана поясница.

К концу лета старик стал выходить поближе к тропинке и смотрел из-за кустов, кто там ходит. Люди появлялись редко. Можно было целый день просидеть в кустах и никого не увидеть. Если ходили, то обязательно по нескольку человек.

Но был один забулдыга. Он появлялся на тропинке по нескольку раз в неделю, ходил то в одну сторону, то в другую. Иногда пьяный, иногда вроде и нет. Иван Алексеевич себе этого человека присмотрел и однажды вечером взял с собой ружьё.

Когда старик заметил, что идёт его «паразит», вышел на тропинку с ружьём и преградил ему путь. Человек был слегка пьян, он перепугался и не задавал никаких вопросов. Слушался старика беспрекословно.

Иван Алексеевич, подталкивая забулдыгу ружьём в спину, повёл его к месту, где была яма, и сказал: «Полезай туда».

Мужик хотел чего-нибудь сказать, попросить старика одуматься, но так и не смог связать двух слов, слишком был ис-

пуган. Поколебавшись, он всё-таки влез в яму, и старик его пристрелил.

Уже потом, лёжа в своей кровати, Иван Алексеевич размышлял о том, что с того момента, как этот алкоголик бодро шёл по тропинке, до его похорон не прошло и десяти минут. И было старику от этих мыслей тоскливо.

Иван Алексеевич и дальше стал ходить смотреть на тропинку. Однажды увидел троих детей: двоих мальчиков и девочку. Увидев мальчишек, старик вспыхнул злобой. Но девочку он тронуть не мог. Не мог и всё. Поэтому дети остались целы.

Следующей осенью Иван Алексеевич высматривал себе жертву с тем же нетерпением. И думал, что надо вырыть яму, пока ещё мягкая земля. Только больше он никого не успел загубить – оказался в Городе. За три года никого не убил. Теперь ему нужно было беречь свою жизнь.

Событие 24. За Богом начали вести слежку

Скоро в Городе родился слух, что Бог явился, чтобы запустить какой-то механизм уничтожения всех жителей, но он, видимо, забыл, где кнопка, и теперь ходит её ищет. Эти рассказы ещё и транслировались по радио, поэтому собралась группа жителей, которые решили, что за Богом надо установить слежку.

Спустя несколько дней стало ясно, чем занимается Бог, бродя по улицам. Он осматривал то, что сломано. Его интересовали расстрелянные стены, выбитые окна. Он долго осматривал взорванные автоматы, опрокинутую уборочную машину рядом с воронкой в центре Города. По свидетельствам, Бог около часа ходил вокруг раскуроченного трамвайчика, что оттащили в пустыню.

Такие трамвайчики бесшумно и сами собой ездили по дороге вокруг Города. Если кто-нибудь из горожан стоял у дороги, то трамвайчик останавливался перед ним и открывалась прозрачная дверь.

Как и всё в Городе, трамвайчики были практически неразрушимы. Однако находились мастера, которые могли разбить всё, что угодно. Так им хотелось переделать механизмы автоматических машин и сделать управляемыми. Но полу-

чалось у них только сломать и ничего больше.

Разбитого и поломанного в Городе накопилось за три года. Бог всё это изучал. Зачем он это делал, никому не было известно. Бог разговаривал с горожанами без охоты, отвечал что-нибудь по одному слову, а если кто-то ему сильно докучал, то он заставлял надоевшего ему человека замереть на месте, а потом уходил.

Один из преследователей рассказывал, как Бог пригрозил ему револьвером, но не стал стрелять.

А вот был один псих, который упрямо бросался за Богом вдогонку. Замирал на месте, потом приходил в себя, снова бежал за ним и выкрикивал всякие насмешливые гадости. И в конце концов Бог прострелил ему грудь.

Однако может это было враньё. Кому в Городе можно верить? Кто угодно мог пристрелить того психа. Хотя дыра в груди у него была большая. Простым пистолетом такую не сделаешь.

И местные учёные, которые пообещали дать горожанам ответы, стали слушать команду следивших. На учёных у горожан были надежды. Они много чего объяснили и рассказали. Изучая трупы, учёные рассказали про бусины в мозгах. Рассказали, что в Городе никто никогда не родит детей, потому что все горожане стерильны...

Стало известно, что Бог никогда не заходил в дома. Люди видели, как он шатался у борделя, и Аминка – хозяйка заведения, чуть с ума не сошла. Она паниковала, носилась,

орала, чтобы закрыли все окна, заперли двери. Так она боялась этого Бога.

Но он даже к двери не подошёл. Бог осматривал изгаженный двор. Рядом с борделем всегда было много рвоты, дерьма, а ещё кровь и даже чьи-нибудь зубы. Пока Бог оглядывался, из окон борделя выглядывали юноши в женских платьях. Одни были испуганы, другие ждали спасения.

У хозяйки Аминки почти не осталось женщин в заведении. Раньше было несколько, но почти все они были убиты или покончили с собой. Пришлось делать проститутками мальчишек-подростков, обряжая их женщинами. Мальчишек тоже убивали, и они тоже кончали с собой, не выдерживая такой жизни. А ведь все эти мальчишки до Города сами были насильниками, мучителями и доводили людей до самоубийств. Спустя три года они уже не были подростками, но не могли покинуть бордель по своей воле.

Аминка умела превращать людей в рабов и никогда не давала слабину. Кто же знал, что её так напугают слухи о Боге?

Ещё видели, как Бог разговаривал с млитами. Ну, не разговаривал, конечно, а внимательно смотрел на них, присев на одно колено. А кучка млитов смотрели на него и не пытались напасть, как на любого другого горожанина.

Говорили, что это было на окраине Города у самого леса. Там стояли брошенные дома. Люди оттуда сбегали, потому что не ладили с лесными жителями, и они стали делать набеги на окраинные дома, убивали людей и оттаскивали их

группы в лес. Это было давно, а теперь млиты могли свободно выходить на запустелую улицу окраины.

Там Бог и встретился с маленькими человечками. У них были пояса, сделанные из одежды людей, и были деревянные ножи. Если бы млитам встретился обычный человек, то они бы сразу похватались за оружие и встали в боевую стойку. Но перед Богом они не дрогнули. Млиты воспринимали его присутствие спокойно, будто он был одним из них. А Бог опустил на одно колено, чтобы смотреть им в глаза.

Всё это наблюдатели видели издали. Сами они были в опасности. Боялись, вдруг Бог заметит их и заставит замереть, а млиты нападут и заколют их. Но ничего такого не произошло.

Когда наблюдатели рассказали об этом случае остальным, в Городе стали говорить, что Бог в сговоре с лесными тварями. И, возможно, скоро армия лесных человечков заполнит улицы.

Не тратьте патроны зря! Держите пистолеты заряженными!

А что толку, если все оцепенеют и не смогут ничего сделать, когда их будут колоть и резать на части?.. Для того и бусины в мозгах, чтобы все замерли, а млиты их резали.

Так рассуждали горожане.

Что бы ни произошло, люди всегда представляют себе худший исход.

Про бусины

Про бусины в головах стало известно в первый год, как только в Городе сам собой образовался научный институт. Было в Городе несколько настоящих биологов, иммунологов, физиков и химиков. И ещё несколько медиков захотели заниматься научной работой. Неизвестный мир их увлекал.

Изучение начали с трупов. Тогда-то и узнали, что все горожане – и мужчины, и женщины – лишены репродуктивных функций. Словно кому-то было недостаточно сделать бесплодным лишь один из полов... Семенная жидкость у мужчин была лишена сперматозоидов, а у женщин не вырабатывались яйцеклетки. При этом не было никаких следов хирургического вмешательства. Репродуктивные органы выглядели просто не развитыми, будто были такими всегда. Но до Города у многих людей были дети.

А ещё у каждого трупа в голове оказался плотный белый шарик в затылочной доле мозга. Один из учёных выступал по радио и сказал, что шарик этот размером с бусину. Так и стали все говорить «бусина в мозгу».

Но это была не бусина и никакой не камень. Это было непонятно что. У шарика не было структуры. Он светился ровным белым светом. Если шарик уронить на пол, он будет падать медленно, будто погружается в воду, и не издаст никакого звука при падении. Эти бусины нельзя было уничто-

жить. Вообще никак. Даже когда их давили прессом, ничего не вышло.

А зачем в мозгах у людей эти шарики? Никто не знал. Учёные только гадали. Может, это какая-то технология? Может, прослушка? Может, для внушения мыслей? Наличие бусин в головах ощутимо не влияло на людей.

Не влияло, пока Бог не появился в Городе. Если он заставлял кого-то замереть, то человек чувствовал тяжесть в затылке и что-то вроде электрических разрядов. Некоторые описывали это как «в голове запекло».

«Ну, вот вам и ответ, – сказали учёные. – Бусина – это такой „намордник“, чтобы никто не мог навредить Богу».

Про млитов

Лесных человечков называли не только млитами. Их ещё называли хмырями, духами и просто тварями, кто во что был горазд. А слово «млит» считалось официальным названием, потому что горожане полагали, что его придумали местные учёные. Но это было не так.

Когда-то в Городе жил человек. Имени его уже никто не помнил. В то время люди только начинали изучать лес, они уходили туда и не возвращались. И тот человек верил, что в лесу живёт какой-то млит. Злое существо, которое забирает людей навсегда. Сам он в лесу никогда не был, но всем рассказывал про злой дух.

Человек тот умер. Его заставили пойти в тоннель с хлыстами... кто бы помнил за что... и его там перерубило на двое.

Но все запомнили это слово «млит». И когда более осторожные горожане возвращались из леса живыми, то рассказывали, что видели там гуманоидов. Их и стали называть млитами.

Весь лес был чудной. Там росли вроде бы земные дубы, только листья у них были не лопастные, а гладкие, овальные, а жёлуди слишком большие и круглые, как шарики. Там были деревья с гибкими, как резина, стволами и длинными ветвями, которые днём, как руки, тянулись к свету и провисали

до земли ночью. Там была кудрявая трава, голубые и фиолетовые грибы.

В лесу обитали птицы, что издавали звуки, похожие на удары двух камешков... Клак-клак! И эти птицы не летали над лесом, а только порхали с ветки на ветку.

И были там животные. Грызуны, вроде бобров, только бесхвостые, и были они такие жирные и коротколапые, что тела их бугрились, когда они семенили по земле. Водились в лесу копытные вроде сайгаков, только без рогов и без шей – тело-голова на длинных ногах. Чтобы поесть, эти существа ложились на землю. В лесу не было хищников. И млиты тоже ни на кого не охотились. Они питались плодами деревьев, ягодами, мололи жёлуди и каштаны, выращивали грибы.

Млиты жили единым обществом. Они не делились на группы и на племена. Весь лес – это один большой «муравейник» млитов. Так предположил один из биологов. Другой учёный говорил, что в глубине леса млиты не живут, а селятся только по окраинам, будто охраняя лес от людей. И всего их около пяти тысяч.

Млиты были тощие, глаза у них круглые, как у лемуру, вместо носов два крохотных отверстия, рты без губ, будто дыры с мелкими острыми зубами. Уши у млитов маленькие, как лепестки. Слышали они плохо, зато были очень чувствительны к вибрациям.

Млиты не издавали никаких звуков и не общались звуками. Кто-то из горожан говорил, что когда млиты напада-

ют, их лица становятся злобными, но это была чушь. Млиты не выражали никаких эмоций, у них не было лицевых нервов. Да и зачем, если они общаются телепатически?

Да, млиты мыслили коллективно. Никто из них не был индивидуальностью. Теоретически среди млитов мог быть вождь, который решал за всех, что и как делать, но это была только теория. Большинство сотрудников научного института были уверены, что млиты представляют собой единый организм. Нейросеть. Один мозг в сотнях тел. Они бились на рабочие команды и делали всё вместе одинаково хорошо, слажено и упорно. Строили, сеяли, собирали.

Пусть млиты жили примитивно, без стремления к особому комфорту: делали шалаши, навесы, землянки. Но они были чрезвычайно умны и способны.

Пришёл человек в лес, открыл стрельбу по млитам, а они напали на него со всех сторон и убили. Так что они теперь будут делать с его пистолетом? Тыкать в него палкой и отбегать? Использовать как молоток? Нет! Млиты понимают, что такое оружие.

Пистолеты тяжелы для маленьких ручек млитов, и отдача для них слишком сильная. Поэтому лесные человечки мастерили для пистолетов деревянные приклады, и получается что-то вроде ружей. Увидишь млита с пистолетом-ружьём – беги. Млиты не стреляют в воздух. Хотя и стреляют они косо.

И почему же лесные жители так ненавидели людей? Ни-

кто не мог этого знать. Сектанты из «Общества раскаявшихся» говорили: это всё от того, что млиты, как телепаты, видят дурные дела и тёмные души горожан. Чёрт бы побрал этих сектантов, но ведь правда, млиты даже не стремились изгнать людей из леса, они старались убить. И больше ни к кому из живых существ млиты не относились с такой жестокостью.

Наблюдать за ними было крайне сложно и опасно для человека. При институте было около сорока добровольных и принуждённых наблюдателей, и двенадцать из них погибли.

Когда млиты заняты работой, они обычно не обращают ни на что внимания. Если быть осторожным и хорошо спрятаться, то можно наблюдать за ними целый день. Но если тебя увидел один млит – это значит, что увидели все. Десятки бледных и тощих тварей, вооруженных кто чем, уже спешат, чтобы убить тебя. Беги! Отбивайся от тех, кто встречается на пути, петляй, когда стреляют. Спасайся! Млитам нужен твой труп.

Это правда! Лесные гуманоиды используют мёртвые тела для размножения. То, как млиты размножаются – это очень интересно. Кажется, что сами по себе они бесполое. У них нет никаких гениталий и они не спариваются. Их половые клетки становятся активными только после смерти.

Смерть для млитов – это не трагедия: один ослаб и не может ничего делать. Ну и что? Он лишь крохотная частич-

ка единого организма, а не отдельная личность. Ослабший, состарившийся... или правильно сказать половозрелый?.. млит отползает подальше от всех и тихо умирает. Когда он перестаёт дышать, другие это чувствуют. Они приходят к мёртвому и бросают его в специальную яму. Это не могила. Это колыбель жизни и смерти.

Когда млит умирает, он очень быстро разлагается. А точнее превращается в вязкую белую массу. Даже костей не остаётся – всё становится массой. Эту массу люди называли «кашей».

Каша растворяла в себе всё органическое, питалась биоматериалом. Млиты ходили по лесу, выискивали трупки птиц и зверей, чтобы накормить свою кашу. Никого нарочно для этого не умерщвляли. Кроме людей, конечно же.

У ям с кашей всегда кто-нибудь дежурил, чтобы отгонять любопытных животных и помогать родившимся выбраться.

Внутри ямы шёл активный процесс: масса из умерших млитов пузырилась и бурлила, от неё исходил неприятный запах, а потом белая масса становилась серой, переставала бурлить, и запах исчезал. Несколько дней спустя на поверхность всплывали студенистые комки. Это и были новые млиты. Скоро у них появлялись головы, ручки и ножки. Они плавали в массе ещё какое-то время, а потом выбирались из ямы.

Сколько их родится в яме зависело от того, сколько туда было брошено тел млитов и сколько корма дали каше. Чем

больше – тем лучше. От растворённого в каше тела человека получалось много – штук восемь.

Взрослые млиты помогали малышам выбраться из вязкой массы и больше ничего с ними не делали. Малыши садились недалеко от ямы и смотрели, что делают взрослые. Через пару дней они поднимались и присоединялись к ним, начинали работать, становились точно такими же, как все. Никто из них не был хуже.

Лесные человечки были довольно хрупкие, но израненные быстро выздоравливали.

Главное дело млитов – расширять лес. Они проращивали семена, засаживали молодыми деревцами и кустарниками места, где лес граничит с пустыней. Ох, сколько же деревьев млиты посадили, пока люди наблюдали за ними!

Зачем? Кто знает... Расширяют свою территорию.

Однажды учёные изловили одного млита и отнесли в свой институт. Там они посадили его в отдельную комнату и наблюдали за ним через прозрачную дверь. Некоторое время он ещё был агрессивен, а потом успокоился. Стал ходить туда-сюда. Спустя несколько часов сел на пол. На людей он уже никак не реагировал, ничего не ел. К вечеру млит уснул, а утром не проснулся. Так и умер во сне и превратился в вязкую массу, из которой уже никто не родился.

Учёные сделали вывод, что млит не может жить без своей стаи, умирает, будто отделённая часть от тела. Это называли «потерей контакта».

Событие 25. Бог согласился говорить с жителем Города

Бога видели на западной улице в тоннеле с хлыстами, и он остался цел. Кто бы сомневался... Когда Бог входил в тоннель неподалёку, собралась кучка людей. Все они надеялись, что его там порубит, как и всех.

Люди посмеивались, а один крикнул в спину Богу, что его там ждёт сюрприз. И тому шутнику сразу двинули в морду, чтобы он заткнулся.

Был там и Егор Никишин. Он стоял к туннелю ближе всех и видел, что Бог зашёл туда не сразу, а постоял недолго у входа. В тоннеле валялись кости, разбитые черепа, обрывки одежды, разлагающиеся и мумифицированные тела. Когда через тоннель пролетал ветер, то выносил с собой такой смрад, что глотать было больно.

Прямо из центра тоннеля, растрескав каменные плиты, во все стороны торчали длинные чёрные прутья. Были они толстые у основания и тонкие, как иглы, на концах. Их называли «хлысты» или «плети». Никто не знал, что это: растение или животное.

В тоннеле устраивали казни. Туда вынуждали входить приговорённых к смерти.

Обычно хлысты были неподвижны, но когда человек за-

ходил в тоннель и делал пару шагов, они рубили его на куски. Обезглавливали, рассекали надвое, натрое вдоль и поперёк в мгновение ока.

Вот стоял человек, а в следующий миг по тоннелю раскиданы его руки и ноги. Случалось, что из тоннеля вылетали части тел. Когда казнили Грушева, втолкали его туда, грозя пистолетами... голова его сиганула из тоннеля и укатилась неизвестно куда.

Хлысты двигались так быстро, что их нельзя было увидеть. Они рвали воздух с шумом, похожим на ракетные залпы. А когда человек был растерзан, хлысты падали и висели дугами, будто и не двигались с места. Даже кровь с них не капала.

Был слух, что хлысты питались мухами. Их в тоннеле было много. Говорят, кто-то сидел перед тоннелем с биноклем и видел, как мухи садятся на чёрные стебли и тонут в них, будто камешки в тёмной воде. Это могло быть правдой.

Десятиметровый тоннель, что проходил сквозь жилой дом, считался самым опасным местом в Городе. Неужели Бог об этом не знал? Но вёл он себя так, будто видит хлысты в первый раз. Когда он подошёл к тоннелю, черные прутья дрогнули и издали звук, похожий на гремучую змею.

Так говорил Егор Никишин, который стоял ближе всех. Егор здорово пил. За годы, проведённые в Городе, он приистрастился к бордельскому ликёру, но ему можно было верить.

Бог долго стоял у входа, присматривался, вертел головой. Было ему интересно, что это за существо. А потом он вошёл. Медленно шагал, переступая через кости и зловонные останки.

Хлысты вытянулись к потолку. Они не тронули Бога! Они шевелились, но не нападали, не стегали, а только выпрямлялись и провисали. Хлысты будто не хотели, чтобы Бог прикоснулся к ним. Но он всё рано тронул один из прутьев, потом посмотрел на свою руку и вышел из тоннеля. Целый вышел! Никто не мог поверить своим глазам.

Все остались стоять, и только Никишин пошёл за ним следом. Он уже несколько дней преследовал его и научился себя вести, чтобы Бог не заставил его замирать – держался на безопасном расстоянии.

– Поговори со мной, – просил Егор Никишин. – Мы имеем право знать! Мы должны знать!

Бог не обращал внимания на Егора, если тот не подходил слишком близко и не пытался заговорить с ним слишком часто. Но к концу четвёртого дня Бог обернулся к Никишину и, тяжело вздохнув, спросил:

– Что ты за мной ходишь? Чего тебе надо?

Никишин вдруг почувствовал себя грязным, заросшим и страшным. Ещё и разжирел в последние пару лет – совсем себя запустил.

– Почему ты не хочешь говорить с нами? – Егор не придумал ничего лучше, чем спросить это.

– Мне до вас нет дела, – устало ответил Бог. – Перестань за мной ходить, а то я тебя убью.

– У меня есть к тебе вопросы, – кричал Никишин. – У всех у нас есть вопросы к тебе! Мы имеем право знать!

Был вечер, и фонари ещё светили тускло. Освещение в городе всегда загоралось постепенно – чем темнее, тем ярче. А в ту минуту свет еле теплился, и всё вокруг казалось чёрно-серым.

– Хорошо, я поговорю с тобой, – сказал Бог, не оборачиваясь и не сбавляя шага. – Только бы ты потом не пожалел.

Егор Никишин не ожидал такого и больше ничего не мог сказать. Может, он и не хотел, чтобы Бог с ним говорил, а только надеялся, что он его пристрелит? Никишин и забыл, о чём хотел спрашивать Бога, так был потрясён его согласием.

– Идём, идём со мной, – звал Бог и шёл вниз по улице мимо окраинных брошенных домов туда, где Город граничил с пустыней.

Никишин подумал, что сперва бы ему побриться и принять душ. Не мог же он предстать перед Богом в таком жутком виде.

Никишин

Противоположность любви – не ненависть, а равнодушие. Егор Никишин не помнил, где вычитал или услышал эти слова, но их будто выжгли клеймом на его груди. Равнодушия он хватил сполна. Уж лучше бы ненависть!

Он был человеком-невидимкой для девушек, которые были ему симпатичны. И это бы не причиняло столько страданий, если бы Никишин рожей не вышел, например. Нет, лицо у него было вполне симпатичное и рост что надо. Только девушек, в которых влюблялся, не интересовали мужчины вроде него.

Егор Никишин считал себя романтиком. И свою страсть к убийствам он тоже романтизировал. Ведь если бы не эта страсть, ни одна из его возлюбленных так и не узнала о том, какие чувства в нём разбудила. Разве это честно?

Егор был убеждён, что каждому человеку нужно пройти несколько важных этапов, чтобы созреть. Первый этап он прошёл, когда у него в юности ломался голос. Второй, когда отслужил два года в армии. Третий, когда стал жить один. И четвёртый, когда впервые убил девушку. Или как он говорил «разорвал связь».

Никишин не считал себя психопатом. Он думал о себе как о человеке с необычным опытом, но не лишённом чувств. Ведь он, как и все, любил и страдал. Страдал с самого дет-

ства.

Егор рос с одной матерью, и она была с ним строга. Они жили в доме цвета бетона в частном секторе, над которым проходила высоковольтная линия.

Мать Егора не терпела ошибок, и любой проступок обращивался неприятностями для мальчика и припоминался множество раз.

Ещё у матери был бзик – она не любила ничего выбрасывать. Когда в одной из комнат был ремонт и рабочие прикрутили новые плинтусы, мать запретила выбрасывать старые. Деревянные плинтусы с торчащими гвоздями она расставила по углам. В углах всегда что-нибудь стояло. Отцовские удочки. Отец умер, когда Егору было два года. Удочки нельзя было выкидывать – не в память об отце, а просто нельзя выкидывать. Ничего нельзя выкидывать. Всё нужно!

Даже вентилятор, сломанный напополам, даже табурет без одной ножки. Когда Егор был ребёнком, это терпелось, но чем старше он становился, тем сильнее поведение матери сводило его с ума.

Не то чтобы вещами был завален весь дом. Однако барахла было достаточно, чтобы мозолить глаза. Никишин и друзей домой не приглашал – стыдно.

Был в отношениях Егора и матери такой эпизод: он вернулся из армии. Мать смотрела на него иначе, сказала, что он похож на своего отца. А тут ещё мать сломала ногу и почти всю зиму еле-еле ходила на костылях. Егор ухаживал за ней,

и казалось, что она была готова смягчиться и уступить сыну роль «хозяина в доме» или хотя бы воспринимать на равных. Но негодный сын снова сделал ошибку.

Как только мать поправилась, она поехала отдыхать в санаторий на лечебные воды. Городские друзья Егора стали проситься к нему в гости. Но как их приведёшь в такой бардак? Никишин затеял уборку. Прежде всего разобрал заставленные углы. Сначала хотел спрятать хлам подальше, но все кладовые были и так завалены. И Егор выбросил старые плитусы, удочки и материны костыли, которые тоже заняли один из углов. Он был рад, что избавился от костылей. В доме, где люди здоровы, не должно быть того, что напоминает о тяжёлых травмах.

Егор и его друзья хорошо повеселились, пока мать отдыхала в санатории, а потом она вернулась и начался кошмар.

«Ты сошёл с ума?! Как ты мог выбросить костыли?! Они стоят денег! Я бы могла их отдать! Не имей привычки ничего выкидывать! А если что случится?! Возвращай мне костыли!».

Костыли! Костыли! Костыли! Мать не могла успокоиться целую неделю. Каждый день напоминала сыну о проклятых костылях. Она снова смотрела на него как на негодного подростка и больше никогда не сумела разглядеть в нём взрослого мужчину.

На следующий день рождения Егора, мать пожелала ему, чтобы у него «прибавилось мозгов». Когда он спросил, поче-

му она так груба с ним в его праздник, мать ответила: «Егор, ну как ты додумался мои костыли выкинуть?».

Никишин понял, что эта женщина никогда не простит его. Он прожил в доме с матерью ещё десять лет, а потом случилось невообразимое. Мать стала жаловаться на частые головные боли, а потом начались обмороки. Она падала на кухне, когда мыла посуду, падала с лестницы и когда работала в саду.

Ей посоветовали лечь в больницу на обследование. Мать долго не соглашалась. Егор думал, что это потому, что она не хочет оставлять его одного в доме. И правда, когда мать всё-таки собралась проверить здоровье, она тысячу раз брала у сына обещание, что он не тронет ни одну из её вещей. Егор клялся, что не прикоснётся ни к чему в доме. Он боялся эту женщину.

Прошло три дня, а Никишин не навещал мать в больнице. Всё собирался, но не мог. А потом ему позвонил врач и попросил прийти в больницу для беседы.

Пожилому лысоватому доктору было не в первой сообщать родственникам плохие новости, но молодого человека он решил пощадить. Всё-таки у тридцатилетнего Никишина никого, кроме матери, не было. Врач долго и запутано что-то объяснял, изображал сочувствие. В конце концов Егору это надоело, и он призвал старика не ходить вокруг да около.

Врач выдохнул и сказал, что у матери Никишина вся передняя часть мозга – это сплошная опухоль, и странно то,

что она всё ещё может вставать и передвигаться на своих ногах. Жить ей осталось не больше двух месяцев – так сказал доктор. А на самом деле пока он всё это объяснял, дорогая матушка Егора уже скончалась в своей палате. Об этом Никишину сообщили уже по телефону, как только он вернулся домой из больницы.

Теперь Егор знал, что мать больше никогда не вернётся домой. Это было чувство... чувство тревоги, граничащее с восторгом. Он не мог поверить в то, что произошло. Он не мог и представить, что однажды будет жить в мире, где нет его матери. Не мог и мечтать?

Были похороны. Приехали родственники издалека. Все сочувствовали Егору, просили его держаться, не падать духом. Были те, кто советовали начинать новую жизнь: поскорее жениться и завести детей. Старухи нагнетали, выли, плакали. Сам Никишин и на похоронах, и на поминках был с пустым лицом. Ему только хотелось, чтобы это всё поскорее закончилось.

А когда всё улеглось и родственники разъехались, Егор арендовал восьмикубовый мусорный бункер на сбережения матери. И целый день таскал из дома хлам. Разобранная мебель, старые тряпки, стопки журналов и газет – всё летело в бункер без разбора, и когда он наполнился доверху, его отвезли на свалку. А потом бункер привезли снова, и Никишин кидал, кидал, кидал... Дом постепенно становился каким Егор хотел его видеть: пустым и просторным. Когда

не такие уж и большие комнаты освободились от ненужных вещей, они стали казаться Никишину дворцовыми залами.

Егор сам сделал ремонт. Он работал маляром и кое-чего в этом смыслил. Одиночеством Никишин наслаждался ровно год: много читал, слушал музыку так громко, как ему хотелось. Ненавистные грядки и цветник он перекопал и засеял травой. Теперь он просто подстригал газон, как видел это в кино.

На годовщину смерти матери Егор опрокинул две рюмки водки и впервые заплакал. «Какая же тоска без тебя, мама!», – он сказал это вслух и сам испугался, будто мать могла услышать и вернуться.

В том же месяце Егор познакомился с женщиной. Сначала встречался, а потом позвал к себе и прожил с ней три года. Вот так запросто. Она ушла от него сама, и Егор не жалел. Эта женщина была такая серая, такая невзрачная, такая сухая и скучная, что Никишин в какой-то момент просто перестал обращать на неё внимание. О ней и вспомнить-то было нечего.

Но этот опыт был полезен: Егор понял, что должен встретить ту, которую полюбит. При этом он держал в голове образ своей одноклассницы. Первой девушки, что показалась ему привлекательной. Шли годы, а Егор не мог влюбиться.

Но взял привычку ездить в город и бродить по улицам, высматривать себе невесту. Слушал себя, искал тех, кто ему и правда нравится. Вскоре он понял, что ему интересны

молоденькие девушки. Улыбчивые, стильные, с кукольными личиками, не старше двадцати трёх лет. Такие ходили по две, по три, и всегда о чём-то говорили, живо и эмоционально, звонко смеялись. Смотреть на них было одно удовольствие. И вот среди этих красавиц Егор высмотрел себе одну. Это была девушка девятнадцати лет, её звали Настя Доронина.

Никишин узнал её имя, когда зашёл в ту же кофейню, что и она со своими подружками. Егор проходил мимо их столика и заглянул в смартфон девушки. Она загружала новую фотографию на свою страничку.

У Насти были светлые косички-колоски, густые крашеные чёрные брови. Роста в ней было метр шестьдесят примерно. Она была по-детски хрупка, и на этом миниатюрном теле очень мило вырисовывалась небольшая грудь. Никишину нравилось!

Егору ещё оставался год до сорока, и он надеялся, что ещё не слишком стар для этого невинного создания. Чем чаще он встречал Настю, тем сильнее влюблялся. Только вот она что-то никак не могла заметить его.

Странно: ведь Никишин идёт по улице, и эта девушка в своих коротеньких шортиках идёт навстречу. У Никишина замирает сердце, он думает, что сама судьба заставляет их снова и снова встречаться, а Настя шагает и смотрит куда-то мимо... Егор всем своим видом, всеми мыслями кричит: «Заметь меня! Посмотри на меня!». Он мечтает, что их взгляды встретятся, и он одними только глазами скажет де-

вушке всё, что хочет сказать. Но нет, Настя проходит мимо, будто не видя его.

Егора это удивляло. Он постоянно спрашивал себя: почему? Иногда он стоял перед зеркалом в одних трусах и не видел никаких явных недостатков в своей фигуре: Егор был высок, у него были довольно крепкие руки, никаких лишних килограммов. Также он не думал, что проблема в одежде, хотя в её выборе был небрежен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.